

НАТАЛЬЯ ИЩЕНКО

КИММЕРИЙСКИЕ НАПЕВЫ

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ*

СТЕПЬ

Под колесом шуршит щебенка,
Степь иссушил разгул ветров,
Лишь в синеве, у горизонта,
Белеют стаи облаков.

Вбираю восхищенным взором
Под солнцем блещущий ковыль,
Жары полдневной легкий морок,
Дороги шелковую пыль.

Прими ж меня, степное братство,
Отринув призрачность оков,
Позволь на время затеряться
В волнах струящихся веков.

ИЩЕНКО Наталья Васильевна родилась в городе Тюкалинске Омской области. Окончила Тюменское музыкальное училище. Работала преподавателем, концертмейстером. Автор семи поэтических сборников для взрослых и детей. Ответственный секретарь Союза русских писателей Восточного Крыма. Член Союза Писателей России. Дипломант международной литературной премии имени великого князя Юрия Долгорукого, лауреат Ялтинского фестиваля "Чеховская осень". Живет в Феодосии.

* Публикуются при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС).

Вплети в таврийские просторы,
В сухой полыни горький дух,
В сверчков ночные разговоры,
В улыбочатость широких бухт.

Смуглянке вольной много ль надо?
Лишь звезд скатившихся бадья,
Вечерних родников прохлады,
У стога — бархат воронья,

Да смолкшая в душе тревога.
Не сожалея, не скорбя,
Пускай ведет меня дорога
Все дальше, дальше... от себя.

В МУЗЕЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

На любимой странице распахнута книжка,
Дрогнул колокол глухо в тумане...
Где теперь ты, откликнись, писатель-мальчишка
Без гроша в опустевшем кармане?

В перепадах времен, карусели событий
Затерялись герои — друзья и враги,
Но гуляет меж строк свежий ветер открытий,
И грядущее мерно чеканит шаги.

Старый якорь у входа вздохнет безутешно,
Прислонившись устало к беленой стене,
Будто ночью, мечтая о чем-то нездешнем,
Профиль твой разглядел в заблестевшем окне.

И я верю — ты здесь, твои вижу приметы:
Ведь все так же весной буянят грачи,
Бьет о берег волна, и пылают рассветы,
И зеленая лампа сияет в ночи!

ТАЙНАЯ МУЗЫКА

Рассвет струился в окна синий,
Тревожа снов ночной дурман,
И полз клоками по долине
Холодный утренний туман.

Ломоть луны светился скучно,
Свершив полночные труды —
И вдруг мне стало как-то душно
Под взглядом пристальным звезды.

Я настезь окна распахнула,
Открыла запертую дверь —
И мысль неясная мелькнула,
Что не одна я здесь теперь.

Звезды ли было то мерцанье,
Движенье ль воздуха в тиши,
А может, тонкое касанье
Незримой, но родной души.

Иль это тайный знак фортуны
Мне ветер утренний принес,
Чтоб задрожали сердца струны
Под пальцами далеких звезд!

ДЕЛЬТАПЛАН. КОКТЕБЕЛЬ

Рассветный бриз прогнал туманы
На плато ровном, словно сыр,
И сушат крылья дельтапланы,
Готовясь к старту с Узун-Сырт.

Канаты дрогнули в усилье,
Гудит запущенный мотор,
И рвутся, рвутся смело крылья
В безбрежный утренний простор.

Вот ветер ввысь поднял напружно, —
И плато съежилось вдали;
Наверно, иногда нам нужно
Снять притяжение земли.

Не для зевак, не на потребу,
Рискуя, в виражах кружить,
А чтобы жизнь доверить небу
И на крыло всю положить,

И память вновь вернуть к истокам,
И сделать явью давний сон,
Где восходящим ввысь потоком,
Как ангел, был я вознесен!

ТИШИНА

Жар дневной ушел в ложбинки,
Замер высохший ковыль.
Горы тают в легкой дымке,
И на море — полный штиль.

Жидким золотом блистает
Путь в далекие миры.
Словно чайки, сбившись в стаю,
Яхты дремлют у горы.

Теплый пар все звуки глушит —
Еле слышен плеск волны.
Скрип уключин не нарушит
Этой странной тишины.

Как воздушный шарф, на плечи
Пал загадочный пейзаж;
И парит безмолвный вечер,
Словно сказочный мираж.

Видно, Бог, забыв рутину,
Приоткрыл свой тайный лик.
Миру райскую картину
Показал на краткий миг.

И пред нею в изумленье —
Мысли чувствую искус,
Что в такое же мгновенье
По воде пошел... Иисус!

ЗИМНИЙ ВЕТЕР

Настал черед гулять студеным посвистам,
Чтоб вату серых туч теснить к земле,
Накатом волн песок отдраить дочиста
И в снастях завывать на корабле.

Наполнив мир снегами и забвением,
Алмазы бросить в стынущую даль,
Чтоб в зимней сказке каждого мгновения
Мерцала угасания печаль.

СИРЕНЬ. ПОЕЗД СЕВАСТОПОЛЬ—СИМФЕРОПОЛЬ

Приятно ехать в скоростном вагоне,
Но мне милее местный “тихоход”,
Когда земля близка, как на ладони,
И ясно виден каждый поворот.

Плывут леса, пригорки и селенья,
Поля, вокзалы, реки и мосты,
И хочется сказать: “Замри, мгновенье!” —
В восторге от мелькнувшей красоты.

Вот встал состав у сельского перрона.
В окошко хлынул жаркий южный день,
И в сутолоке душного вагона
Динамик хрипнул: “Станция — “Сирень”.

Откуда вдруг название такое?
Привычной “Элеваторная” нам,
“Садовое”, “Покровка”, “Зерновое”,
И даже непонятный — “Инкерман”.

А тут — “Сирень”! Романтика пустая
Иль красоты необъяснимый миг,
Когда сирень вдруг в мае зацветает
И душу нежным запахом томит.

А может, возле станции, в садочке
Сирени в каждом мае так цвели,
Что дали имя этой скромной точке,
Такой красивой и родной земли.

Пропел гудок! Вагон качнулся зыбко,
Остался позади перронный гам;
Но долго еще теплая улыбка
Бродила по моим сухим губам...

О РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

Пусть межи охраняет дозорный,
И звонить перестала родня,
Но вросли глубоко мои корни
В ту далекую землю и держат меня.

Не отнимет мне память таможня,
И запретов не слушает жизнь.
По указке забыть невозможно
Землю ту, где на свет родились.

Те края, где босыми бродили,
Сень лесов и степное жнивье,
И откуда мы в жизнь уходили,
С головой погружаясь в нее.

Я не внемлю наветам продажным,
Где винят и своих, и чужих,
И ищу что-то близкое в каждом
Поколение ушедших родных.

Лица в рамках спокойны и строги,
Сзади надпись знакомой рукой,
Будто видят они все дороги
И надежно хранят мой покой.

Взором их вижу сальские степи
И чумацкий накатанный шлях,
Предкавказские горные цепи
И сибирских просторов размах.

Вижу маму в шинели солдатской,
Жизни бранной познавшей урок,
Соль озер на границе казахской
И кубанской станицы дымок.

И родами хранимую землю
Я вовеки забыть не смогу.
Сердца памяти с радостью внемлю
И, как душу свою, берегу!

ПУШКИН В ФЕОДОСИИ

В том безжалостном раздоре —
Памяти недолог век.
Вечны только небо, море
Да волна, что бьет о брег.

Чьих окон рукой касался,
Где бродил твой легкий дух,
Нет следов — лишь грот остался
Средь разделов и разрух.

Там, где стены повторяли
Шутки, смех и звук шагов,
И невольно замирали
От пьянящих строк стихов.

Но богат талант врагами,
Чтоб травить, судить, корить.
Русь умеет, как деньгами,
Гениальностью сорить.

Нет в отечестве пророка —
Кто ж возьмет его суму?
И ушел поэт до срока,
И замены нет ему!

БЕЗЫМЯННЫМ ГЕРОЯМ. К ЮБИЛЕЮ

В школах вальс выпускной не смолкал до восхода —
Только страшные дни были всем суждены.
Сколько их, молодых, с двадцать третьего года,
Не вернулось домой со священной войны.

Из-за парты под пули шагнули парнишки,
Когда с Родиной нашей случилась беда.
И страну сберегли не герои — мальчишки,
Что в полях полегли, не оставив следа.

Тот на мину ступил за речным перекатом,
Тот рванулся в атаку под огненный шквал, —
И никто не искал, где погибли ребята,
Только весточки слали со словом — “пропал”.

Кто сочтет их, истерзанных и обгоревших,
Утонувших и сброшенных в шахты живьем,
От смертельных ранений в оврагах истлевших,
В лагерях заморенных фашистским зверьем?

Но повержен был враг, и вернулись живые,
Вновь веселые песни о мире звучат;
Лишь глядят в поднебесье цветы полевые,
Словно очи без вести пропавших солдат.